

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/8

ХОЛМСКАЯ РУСЬ И ПОЛЯКИ

А.С. Будилович

Резюме

Ниже опубликованы три статьи профессора А.С. Будиловича «Холмская Русь и поляки» (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). Он поднял вопрос о выделение Холмщины и Подляшья из состава польских территорий Российской империи в состав западнорусских областей.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Холмщина, русины, поляки, Российская империя, Польша.

RUS' IN THE LANDS OF KHOLM AND THE POLES

A.S. Budilovich

Abstract

Published below are 3 articles of Professor A.S. Budilovich "Rus' in the Lands of Kholm and the Poles" (reprint from "Borderlands of Russia", 1907, Nr. 2, 3, 5). He proposed the question of separating the Lands of Kholm and Podlasia from the structure of the Polish territories of the Russian Empire into the structure of the Western Russian Provinces.

Keywords: A.S. Budilovich, Kholm Lands, Rusins, Poles, Russian Empire, Poland.

I

По этим заглавию появилась в кадетской газете «Речь» (от 28 декабря 1906 г., №253) статья г-на Владислава Тышкевича, в которой он от имени польского общества протестует против плана выделения из Польши Холмской Руси и включения ее в состав Киевского или Виленского генерал-губернаторства, апеллируя в этом отношении к русскому обществу. С полным вниманием относясь к мнению столь авторитетного в польской среде лица, стоящего, по-видимому, очень близко к варшавскому генерал-губернатору Скалону и к директору его канцелярии г. Ячевскому, нигде не опубликованные мнения которых по данному вопросу, а равно и направление их чувств он также излагает в своей статье, мы позволим себе остановиться на тех соображениях, которыми по этому изложению поляки и их русские

союзники мотивируют свой взгляд на невозможность перечисления Холмщины и Подляшья из состава Польши в состав западнорусских областей.

Соображения опираются отчасти на данных этнологии, отчасти же - истории и политики.

В числе данных этнологических гр. Тышкевич приводит, в сущности, теорию или, вернее, гипотезу пана Духинского о племенной отдельности западнорусской и восточнорусской ветвей русского народа, из которых первую пан Духинский, как известно, признавал славянской, а вторую - финно-татарской. Конечно, печатаясь в газете проф. Милюкова, гр. Тышкевич не решился обозвать его в глаза татаринном, а прибег к другой, более салонной терминологии, очень ходкой ныне в Галиции, где любят противопоставлять «русинов» «великороссам», или, как в Вене и Кракове охотнее выражаются, «рутеннов» «москалям», «московитам». Но гр. Тышкевич забыл при этом, что псевдоантропологическая теория пана Духинского давно сдана в архив и на Западе; австро-польская же теория о племенном и историческом дуализме русинов и москалей выдумана политиками, а не учеными и ныне забракована даже на филологической кафедре Венского университета, где ее отчасти отстаивал одно время австрийский гоф-славист Миклашич. Неопровержимыми данными славянской диалектологии теперь установлено, что все наречия русского языка составляют столь же прочное единство, как все наречия польского, чешского, сербского или любого другого славянского языка. По единству же языков можно с уверенностью заключать и о единстве народов. Если же это оспаривается и теперь некоторыми профессорами Краковского, Львовского и Черновецкого университетов, то это объясняется их зависимостью от австро-польской администрации, которая со времен гр. Агенора Голуховского ревниво следит за недопущением на галицких и буковинских кафедрах опасного учения о племенном и культурном единстве русского народа.

Гр. Тышкевич должен согласиться, что и мазуры «ни в коем случае не могут быть отождествляемы» с великополянами или малополянами, а тем менее со слензаками или кашубами, и что, следовательно, на его противопоставление «русинов» «москалям» мы всегда можем возразить: не следует ли в таком случае и мазуров выделить из Польши? И этому предложению можно бы дать историческое обоснование, ибо известно, что еще в XIV в. Мазовия входила по временам в состав не Польши, а Чехии; другие же мазовецкие области до XVI в. были под немецким орденom - приблизительно те же, какие ныне входят в состав Восточной Пруссии.

Утверждение гр. Тышкевича, будто «за семь веков общей истории Польша органически слилась с Холмщиной», так что ныне «наиболее изящная искусственная оконечность не могла бы заменить полякам ампутированного члена», основано, очевидно, на предположении, что читателям «Речи» вовсе не знакома ни русская, ни польская история. Ведь коренным фактом польской истории, начиная с древних времен и до самого падения Речи Посполитой, был неорганический характер польской государственности. Сначала это был союз польских уделов с несколькими династиями, отчасти немечеными. Со времени же Ягайлы это была федерация или, как поляки любили выражаться, уния двух государств, имеющих отличный племенной состав (в Польше - польский, а в Литве и входившей в нее Западной Руси - главным образом русский), два особых вероисповедания (там католическое, здесь православное и впоследствии униатское), два государственных языка (там латинский и позже польский, здесь же церковнославянский, а позже западнорусский), две системы права (ср. *Volumina legum* и Литовский статут) и даже две отдельные администрации (там король, здесь великий князь, а позже - особые коронные и литовские маршалы, канцлеры, гетманы и т. д.). Поляки стремились, правда, ассимилировать обе части государства в смысле племенном и культурном путем перенесения в Литву и Русь польских колоний, польской шляхты, ксендзов, иезуитов, польских школ, языка, законов. Но справиться с этой задачей они никогда не могли. Отсутствие прочного национального единства, в частности же непобежденный дуализм восточной и западной частей Речи Посполитой, был одной из главных причин ее падения.

И в этом дуализме Холмщина, составлявшая издревле органическую часть Волини и червонорусских областей, бесспорно, всегда принадлежала если не формально, то по существу к восточной, а не западной части конфедерированного государства. Русский народ искони населяет эту область; к русской системе княжеств принадлежала Холмщина со времен Владимира Святого; русские, а не польские государи построили Холм, как соседнее Берестье, а, вероятно, и Люблин (поляки называли бы его Любином); русские епископы издревле имели в Холме свой престольный храм. И этого коренного факта не могли уничтожить ни червенские походы Болеслава Храброго, ни захват червенских городов Казимиром Великим, ни насильственное включение Холмщины и Подляшья Люблинским сеймом 1569 года в круг воеводств малопольских и русско-украинских, ни присоединение ее по третьему разделу в состав Австрии, а впоследствии - в герцогство Варшавское и, наконец, в «Конгрессуку».

То обстоятельство, что Холмщина в смысле географическом стояла несколько ближе к Кракову и Варшаве, чем Восточная Волинь или Белая Русь, и что вследствие того Холмщина раньше и сильнее пришла в зависимость от Польши, чем эти последние, не изменяет факта исконной принадлежности Холмщины к культурной системе литовско-русских областей. Не меняет существенно дела и то, что после воссоединения всех западнорусских униатов с православием, сначала при Екатерине II, а затем при Николае I, одна Холмщина с Подляшьем оказалась прикованной еще на несколько десятилетий к тем промежуточным формам церковной жизни, какие издавна придумываемы были Римом – в Лионе, Флоренции, Бресте – для незаметного передвижения православных в лоно латинской церкви. Только для теоретиков догматики уния, хотя бы в формах Брестской, представляется ближе к церкви западной, чем к восточной. Для масс населения, которые в религиозной области питаются более стихиями нравственно-бытовыми и художественно-обрядовыми, чем догматическими тонкостями, уния, особенно наша западнорусская уния, сохранившая церковнославянское богослужение, старорусскую обрядность и народную иерархию, всегда представлялась в тысячу раз ближе к церкви православной, чем к римской, с ее латинским богослужением, напыщенными обрядами и celibатным клиром. Потому-то гр. Тышкевичу и не следовало бы так высокомерно относиться к описанному им влодавскому крестьянину, который находил, что уния, очищенная в своих обрядах, становится для русского поселянина настоящим православием. Ведь не мог же этот крестьянин находить последнее в догматических тонкостях о filioque, о папской непогрешимости и об immaculata conceptio!..

Этого рода взглядами простых людей на унию объясняются и известные из истории римской церкви массовые соращения униатов в православие при первом облегчении над народом гнета латинников, как это имело место и в византийских владениях, и в польско-русских.

Мы не сомневаемся, что и в Холмщине еще в сороковых годах прошлого века исчезла бы уния, если бы на эту область распространилась иерархическая власть приснопамятного Иосифа Семашко – не сомневаемся потому, что в ту пору под влиянием религиозного движения на Волини и в Белой Руси несколько униатских приходов Люблинской губернии (Бабичи и другие селения) добровольно перешли в православие и доньне верны ему. Об аналогичном строении червонорусских униатов в Галиции и Угорской Руси можно судить по энергическим усилиям заменить унию православием в галицком селе Гнилички и закарпатском селении Иза.

Но чем же в таком случае объясняется неудача той попытки возвращения униатов в православие, которая имела место в Холмщине и Подлясье в 1875 г. и которая ныне разрешилась неожиданным переходом в латинскую церковь 150 или даже, по другому счету, 200 тысяч коренных русских людей?

Гр. Тышкевич объясняет этот факт главным образом тремя соображениями: во-первых, искренней привязанностью бывших холмских униатов к «римской церкви», в которой одной они могли-де «славить своего Бога» сначала тайно, а потом явно; во-вторых, своеобразным составом холмского духовенства, в котором преобладают-де политические, а не пастырские задачи; и, в-третьих, своеобразной миссионерской деятельностью «бывшего жандармского офицера», а позже седлецкого губернатора С.С. Громеки.

Первое из приведенных соображений опровергается тем общеизвестным фактом, что холмские униаты тысячу раз имели возможность осуществить свою «преданность римской церкви» не только в период Речи Посполитой, но и в эпоху Варшавского герцогства и Конгрессовой Польши, когда эта церковь считалась здесь господствующей, а прочие лишь терпимыми. Холмские униаты предпочли, однако, тогда «славить своего Бога» в церквях греко-славянского обряда, а не в латинских.

В 1840-х же годах, как выше упомянуто, между ними обнаружилось даже сильное стремление к православию, которое, однако, было задавлено униатской и латинской иерархией при содействии польских панов и обычном бездействии русского правительства.

«Русификаторское» направление холмского православного духовенства со времени воссоединения в 1875 г. не могло особенно пугать холмское население, потому что оно еще со времен св. Владимира было русским и этого не стыдилось. Что же касается предпочтения задач политических пастырским, то всему миру известно, что воинствующая церковь римская с ее дрессированным целибатным духовенством не уступала в этом отношении никакой другой.

Зато мы вполне согласны с гр. Тышкевичем, что в неудаче воссоединения в 1875 г. много провинился С. С. Громека, как и те – прибавлю – светские и духовные люди с гр. Толстым и епископом Попелем во главе, которые разделяли взгляд Громеки на характер унии и на способы ее устранения. Но, по нашему мнению, беда заключалась не в том, что Громека служил прежде «жандармским офицером», ибо гр. Тышкевичу должно быть известно, что и знаменитый архимиссионер Игнатий Лойола был офицером раньше, чем сделался основателем Ордена иезуитов. Неверно и то обвинение Громеки, будто он не понимал речи местных крестьян и введен был в за-

блуждение приводимой гр. Тышкевичем со слов прот. Н. Ливчака фразой на местном просторечии. Если бы даже предположить, что Громека, бывший, кажется, сам малороссом, не понял такой простой фразы, то при нем находился отец Ливчак и многие другие местные люди, которые, конечно, всегда могли ему ее растолковать. Грех и Громеки, и тогдашней греко-униатской канцелярии заключался в том, что они не поддержали епископа Куземского, который наметил для Холмской Руси испытанный способ незаметной замены унии православием – старых церковных деятелей вроде Георгия Кони-ского и Иосифа Семашко.

Вторая же ошибка и гр. Толстого, и г. Громеки, и еписк. Попеля состояла в том, что они считали унию какой-то народной религией, которая будто коренится в чувствах и потребностях масс населения, тогда как на деле это был искусственный налет, задевавший только иерархические верхи народа, но вовсе не проникавший в его толщу.

Если Петр Скарга, Антоний Поссевин и другие деятели русской унии, следуя, конечно, инструкциям Рима, могли ограничивать свои переговоры по этому вопросу с одними иерархами русской церкви, а эти последние считали достаточным вводить в свои изменнические планы только подведомственный им клир и более влиятельных бояр, вовсе не осведомляясь о желании или нежелании принять унию у народных масс, то очевидно, что и разуниачение русской церкви не должно было касаться последних, а ограничиваться высшей, а затем средней и, наконец, низшей иерархией, где, собственно, и пребывала идея унии. Так поступил в Белоруссии Иосиф Семашко, вследствие чего крупный по виду вероисповедный переворот прошел для народа почти не замеченным. Деятели же холмского воссоединения требовали подписки на переход в православие не только от священников, но и поголовно от каждого домохозяина, притом в такое время, когда масса населения была еще безграмотна, почему и избегала ставить даже кресты под любым письменным актом! К этому присоединилась еще агитация со стороны ксендзов и панов, на подмогу которым даже из Кракова приезжали потом иезуиты и змартвухвстанцы, совершавшие для «упорствующих» «краковские браки» и другие требы.

И все-таки, несмотря на указанные ошибки с русской стороны и безуданную агитацию с польской, число «упорствующих» в Люблинской, а особенно Седлецкой губ. не превышало 80 000 душ. Под влиянием школы и жизни это число, вероятно, постепенно сократилось бы до нуля, несмотря на всю польскую агитацию, если бы с 90-х годов прошлого столетия не начались постоянные колебания в направлении и общей администрации, и школьного дела в рус-

ском Забужье. Но окончательный удар нанесен был русскому его населению смутами нашего лихолетия и в частности тем террором, какой развит был в Люблинской и Седлецкой губерниях местными ксендзами и панами при преступном бездействии русской администрации после издания манифеста 17 апр. 1905 г. Вот в эту-то пору откололись от православной церкви не только остатки вышеупомянутых 80 000 «упорствующих», но и еще большее число твердых доколе в православии русских забужцев!

Гр. Тышкевич, конечно, изображает все это в другом виде: он утверждает, будто отложившиеся в 1905 г. от православия в количестве 200 000 душ русские люди суть те же самые «упорствующие», которые в 1875 г. в таком же количестве отторглись от унии и тайно перешли в лоно римской церкви. Но он при этом забывает, что с 1875 г. прошло уже 30 лет, т. е. сменилось целое поколение, причем большая часть отпавших 1875 г., очевидно, почитает уже в могилах; во-вторых, если бы его утверждение было верно, то могло ли бы случиться, что после 17 апр. 1905 г., как он сам уверяет, «целые приходы остались совершенно без прихожан» (значит, раньше они были); «в десятках церквей к богослужению не является никто» (значит, раньше являлись); «выдвинулась естественная мысль упразднения многих штатов за полной их ненадобностью для местного населения» (следовательно, раньше оно имело в них надобность).

Не допускает гр. Тышкевич и явлений польско-католического террора, вызванных манифестом 17 апр. 1905 г.: «Никто, - уверяет он, - не задается замыслами окатоличить или ополячить Холмскую Русь»; в частности же ручается он как один из польских помещиков, что «польский землевладельческий класс нигде не обращается в орудие политического или религиозного угнетения». Увы, эти голословные уверения опровергаются бесчисленными фактами и нашей, и галицкой жизни. В представленных холмскими жителями адресах, в живых рассказах местных людей, в газетных сообщениях множества наших и галицких повременных изданий приведены бесчисленные случаи преследований, угнетений, изгнаний, даже поджогов и смертоубийств, имевших место в целых сотнях русских селений Забужья на почве вероисповедной агитации и террора. Случаи эти, бесспорно были бы констатированы и судебным порядком, если бы наша администрация и суды в Царстве Польском не были охвачены каким-то непонятным и возмутительным столбняком по вопросам этого рода...

Гр. Тышкевич упрекает ген. Гурко за то, что он выселял в Сибирь «русинов-католиков, тайком посещавших костелы», усматривая в этом «напоминание эпохи религиозных волнений в средние века».

Но, вероятно, ген. Гурко выселял не всех таких «русинов», а только главных агитаторов между ними, ибо иначе как могли бы 200 000 тайных отщепенцев 1875 г. благополучно дожидаться не в Сибири, а в Холмщине указа 17 апр. и поголовно заявить себя явными католиками?

Таким образом, не ген. Гурко, а скорее нынешнее поколение польских ксендзов и панов напоминает своим террором в русском Забужье средневековые преследования и костры инквизиции.

С таким же скептицизмом должны мы отнестись и к уверениям гр. Тышкевича, будто и в случае дарования Польше автономии не понадобятся никакие меры для ограждения Холмской Руси от польского гнета, ибо, по словам графа, «польское общественное самосознание искренне проникнуто желанием обеспечить права национальных меньшинств». «Слишком долго, - прибавляет он, - сами поляки были уязвимы в своих лучших национальных чувствах, чтобы не уметь уважать их у других».

Если сопоставить эти уверения с тем, что делается теперь в Холмщине и Подлясье, в Варшаве, Вильне, Минске, Киеве, особенно же если присмотреться к образцам «польской автономии» в Галиции, хотя бы по данным нашей статьи «О старых и новых опытах польской государственности» («Окраины России», 1906 г. № 35, 36, 37, 42), то придется признать, что успокоительные уверения графа по адресу холмских русских представляют не что другое, как политическую иллюстрацию к крыловской басне «Добрая лисица». После всех жалобных причитаний о необходимости помогать осиротелым птенцам малиновки, когда последние?

«...Не могли с голоду сидеть в покое,

Попадали в лисе на низ...

...Она тотчас их съела

И поученья не допела».

II

В предыдущей статье мы показали на основании данных польской истории, старой и новой, печальную участь, какая предстоит Холмской Руси в случае дальнейшего оставления ее в зависимости от Варшавы. Но сверх общих исторических аналогий летальный для Холмской Руси прогноз можно подтвердить и теми взглядами на современное ее положение и ее роль в будущем, которые выражены в разбираемой статье гр. Тышкевича.

Особенно характерны в этом отношении упреки, с которыми он обращается к нынешнему холмскому духовенству. Граф называет последнее «духовной полицией, которая более считается с целями

варшавского генерал-губернатора, чем с духом Христова учения». При возбуждении вопроса о выделении Холмской губернии это духовенство руководилось-де вовсе не желанием спасти в Холмщине русское дело, которому «никто не угрожал и не угрожает», а «чисто материальными соображениями» о сохранении тех усиленных окладов, о каких не смеет-де и мечтать великорусское духовенство. Желание сохранить эти оклады и заставляет-де их быть «пионерами воинствующей русификации». Собственные же авторы проекта выделения Холмской Руси заинтересованы-де и в том, что тогда «поднимутся цены на землю в г. Холме». Словом, этот проект, на котором «настаивает исключительно местное духовенство с преосвященным Евлогием во главе», продиктован-де не какими-нибудь патриотическими или «общегосударственными интересами», а «узкоклассовыми и низменными вожделениями».

Чем же подтверждает гр. Тышкевич эти обвинения в низменном политиканстве и корыстных расчетах, которые он бросает в лицо всему холмскому духовенству?

Ничем, ибо те факты, которыми он пытается мотивировать свою клевету, основаны на выдумках и явных несообразностях. Кто дал, например, ему право приписывать возбуждение вопроса о выделении Холмщины из Царства Польского «исключительно местному духовенству», когда он сам раньше признал, что вопрос этот имеет уже длинную историю, восходя своими началами к 1863 г., когда в Холмщине почти не было еще православного духовенства? Ужели он забыл, что дело это начато было Милютиным и Черкасским, и что в дальнейшем его развитии принимали ближайшее участие то петербургские, то местные администраторы, как, например, гр. Н. П. Игнатьев и К. П. Победоносцев, ген. Гурко и гр. Шувалов, Мир. Добрянский и губернатор Тхоржевский, кн. Имеретинский и ген. Чертков, кн. Оболенский и гофм. Петров и многие другие светские деятели, не имевшие никакого отношения к «холмскому духовенству»? Да и при выработке всеподданнейшего адреса по этому предмету, поднесенного государю императору в ноябре 1905 г. особой депутацией из духовных и светских лиц, между которыми было несколько местных крестьян, вовсе не замечается «исключительно духовного» причина и авторства.

Если бы главным мотивом возбуждения этого вопроса была забота холмского духовенства о сохранении усиленных окладов жалования, то стало ли бы оно хлопотать о перечислении Холмщины и Подляшья из Царства Польского, где такие оклады существуют, в состав северо-западного или юго-западного края, где их вовсе нет? Спекуляция на подъеме цен на землю в г. Холм, которая, ска-

жем в скобках, принадлежит и польским мешанам, выразилась бы в том видоизменении проекта о выделении Холмской Руси – о чем гр. Тышкевич старательно умалчивает, по которому южные уезды Забужья могут быть перечислены в состав Волынской губернии, а северные – в состав Гродненской, причем холмские землевладельцы и домовладельцы остались бы на бобах?

Но всего нелепее утверждение гр. Тышкевича, будто холмское духовенство раболепствует перед канцелярией варшавского генерал-губернатора. Решились ли бы в таком случае еп. Евлогий и подчиненное ему духовенство хлопотать о выделении Холмской Руси, когда им было хорошо известно, что «против этого плана», как констатировал и гр. Тышкевич, «высказывается светская администрация в лице начальника края ген. Скалона и директора его канцелярии г. Ячевского»?

Возмутительная несправедливость голословных нападок гр. Тышкевича на холмское духовенство настолько бросается в глаза, что не может быть двух мнений о тяжком положении, в каком очутилось бы это духовенство под автономным управлением подобных этому графу польских государственных мужей...

Но не в лучшем положении оказались бы под таким управлением и светские деятели в царстве, хотя бы они стояли на уровне не б. губернатора Громеки, а самих Милютина, Черкасского, Самарина. Гр. Тышкевич обвинил бы всех этих деятелей, как обвиняет ныне преобразователей Польши 1863 и следующих годов, в стремлении к «располячению поляков». Этим именем у него окрещена система управления, приведшая в Польше к освобождению холопов от панов, мирян от ксендзов и монахов, школ от фанатического мракобесия, страны от революционной эмиграции! Во многом, конечно, система эта изменилась в последнее десятилетие. Но все же прочно заложенные Милютиным в 1863 г. основы русской политики в Царстве Польском остаются еще в силе, так что при введении в нем рекомендуемого гр. Тышкевичем и его единомышленниками нового управления несдобровать бы, очевидно, и г. Ячевскому, несмотря на его трогательное единомыслие с гр. Тышкевичем по вопросу о выделении Холмской Руси.

Что касается масс русского Забужья, то гр. Тышкевич сулит им в составе Царства Польского лишь такие сомнительные блага, как сохранение совершенно чуждого им Code Napoleon и ипотечных форм земского кредита, которым, конечно, им редко приходилось пользоваться при незначительности их земельных участков, и не отрицаемой самим графом «экономической зависимости русинов от польского землевладельческого класса». Затем осталась бы еще для этих «ру-

синов» столь подчеркиваемая польским графом возможность «славить своего Бога» в «римской церкви»! Конечно, это привело бы их постепенно к окатоличению и ополячению, то есть к гибели в смысле национальном и культурном. Но гр. Тышкевич успокаивает их и нас тем, что и ныне между «русинами и великорусами существует только довольно отдаленная связь», а во-вторых, тем, что, и ополячившись, русины не сделали бы «изменниками общеславянской идеи».

Насколько надежна такая общеславянская связь между поляками и русскими, показывает девятивековая история взаимоотношений между Россией и Польшей. Несмотря на свое племенное братство и непосредственное соседство, русские вели с поляками бесконечные войны - быть может, еще более упорные, чем какие происходили встарь между Францией и Англией, причем войны эти со времен Болеслава Храброго и Владимира Святого вплоть до разделов Польши велись со стороны поляков наступательно, а со стороны русских только оборонительно – в национальном отношении.

Когда же славянство из факта этнологии и истории стало фактом сознания или, выражаясь словами гр. Тышкевича, проявилось в формах «общеславянской идеи», то и к этой идее поляки из всех славянских народов оказались наименее восприимчивыми. В первом поколении деятелей славянского возрождения мы встречаем еще несколько польских приверженцев этой идеи (Линде, Сташиц, Ходаковский, Суrowецкий, Воронич и нек. др.). Но позже эта общеславянская струя в польской литературе и жизни все более ослабевала, так что несколько лет тому назад один из видных польских деятелей галицкий депутат Поповский в публичном заседании Венской государственной думы не устыдился заявить, что в его глазах общеславянская идея не стоит и одной щепотки табаку для трубки!

В Кракове есть, правда, теперь польский кружок, собравшийся под знаменем всеславянства и издающий посвященный ему журнал. Но этот кружок очень тесный и невлиятельный. Да и понимает он славянскую идею, как некогда Юрий Крижанич, а в новое время еп. Штросмайер, в смысле сближения славянских народов на культурных началах латино-немецкого Запада, а не славянского или греко-славянского Востока. Довольно трудно рассчитывать на дружественное отношение между двумя столь различными по культурным основам системам славянства, из которых одна группировалась бы вокруг Австрии, а другая – России. Делались попытки примирения этих контрастов и у нас, и на Западе, но они не имели успеха. Даже дружба Пушкина с Мицкевичем не могла победить глубокого антагонизма, разделяющего польское общество от русского. Поэтическим выражением этой дружбы и этой вражды служит нарисован-

ная Мицкевичем картина двух альпийских утесов, которые, наклоняясь друг к другу, словно шепчутся заоблачными вершинами, тогда как их скаты навек разделены ложем шумящего в пропасти потока.

То же замечается исстари во взаимных отношениях между сербами и хорватами, которые, составляя по происхождению и языку один народ, глубоко расколоты культурными антагонизмами, или, что то же, различным пониманием «общеславянской идеи».

Да и из статьи гр. Тышкевича, несмотря на все ее неясности и колебания, просвечивает взгляд о преобладании культурных факторов над племенными в современной польской политике.

В одном месте статьи он высмеивает, правда, ходячее у нас в народных массах отождествление терминов «поляк» и «католик», равно терминов «русский» и «православный», приписывая это отождествление совершенно неповинному в нем Святейшему синоду и его «долговременному руководителю» К. П. Победоносцеву. Но из других мест статьи гр. Тышкевича видно, что он сам, наверно, больше К. П. Победоносцева грешит по части отождествления этнографии с религией. Это можно заметить и в самом центральном месте разбираемой статьи, которое сформулировано так: «...Русские и польские поселения в Холмщине так капризно вкраплены друг в друга, что не представляется никакой возможности выкроить на карте территорию с этнографически однородным населением. В лучшем случае в новой Холмской губернии все-таки останется от 50 до 60 % католического населения...»

Так что же, что «католического», если громадное число этих «католиков», совращенных в то старую, то в новую пору в папизм из унии и православия, живут на исконно русской земле, происходят от русских дедов и прадедов, испокон века говорят на одном из русских просторечий, живут русскими преданиями, в русских формах быта и, следовательно, этнографически не имеют ничего общего с поляками! Что есть возможность выкроить в Люблинской и Седлецкой губерниях область с большинством русского населения, это подробно показано в записке, представленной в ноябре 1905 г. холмской депутацией П. А. Столыпину, при которой приложена была и карта такой – невозможной, по гр. Тышкевичу, – территории. Если граф желает ознакомиться с этим проектом, то мы можем рекомендовать ему, во-первых, брошюру «К вопросу о выделении Холмской Руси», изданную в Петербурге Галицко-русским обществом в 1906 г., и, во-вторых, статьи на ту же тему, напечатанные в № 41 и 42 «Окраин России» за прошлый год.

Объем подлежащей, по этому проекту, выделению из Царства Польского площади приблизительно совпадает с тем, какой был

определен еще в 1898 г. при генерал-губернаторе гр. Шувалове. На площади этой, пространством до 12 000 кв. верст, вычислено было к 1 ноября 1898 г. 844 612 душ, между которыми приходилось: православных 389 804 д., католиков (русского и польского происхождения) 293 684 д., протестантов 27 872, евреев 133 196 и прочих нехристиан 57.

Какое же право имел гр. Тышкевич, без сомнения, прекрасно об этом осведомленный, признавать Холмскую Русь «национальным достоянием поляков», якобы «исторически признаваемым и Россией»?

Эта свобода обращения гр. Тышкевича и с этнографией, и с историей возмутила даже газету «Товарищ», которая в статье по этому поводу 29 декабря 1906 г. признала недопустимым и с украиноманских точек зрения признавать Холмщину «национальным достоянием поляков», не справившись даже у жителей этой области, хотя бы путем плебисцита, о их желании или нежелании принадлежать к Польше.

Но пойдут ли гр. Тышкевич и его единомышленники на плебисцит, если он находит, что отторжение от Царства Польского нескольких уездов Люблинской и Седлецкой губернии было бы «новым расчленением Польши», «ампутацией» одного из членов польского организма, нарушением «сто лет тому назад Венским конгрессом определенно очерченных границ Польши» - словом, «четвертым ее разделом»?

Из последних слов как будто следует, что гр. Тышкевич, стоя на почве третьего раздела, признает лишь то положение дел, какое было фиксировано в 1795 г. Но ужели он не замечает, что по третьему разделу в Варшаве сидели прусаки, а в Холме и Люблине австрийцы? Если бы он порылся в летописях польского народа за последние сто лет, то убедился бы, что за это время произошло много новых видоизменений в размежевании областей, принадлежавших некогда Речи Посполитой, то есть своего рода новых разделов или переделов Польши, каковыми были, например, переделы:

Четвертый, в 1807 г., когда по Тильзитскому миру из прусских владений в Великой Польше и Мазовии образовано было Варшавское герцогство, причем область Белостокская была выделена в состав России.

Пятый, в 1809 г., когда к этому герцогству присоединены были от Австрии нынешняя Холмщина и часть Малой Польши с включением г. Кракова.

Шестой, в 1813 г., когда Россия заняла Варшавское герцогство и навсегда его уничтожила.

Седьмой, в 1815 г., когда на Венском конгрессе, по настояниям Александра I, образовано было Царство Польское в его нынешних границах, с передачей Пруссии Познанского вел. княжества и части Мазовии и с учреждением в Кракове независимой республики; причем Россия в виде компенсации Австрии – быть может, именно за Холмщину – уступила ей часть кровной русской Подолии, именно Тернопольский округ, где находилось в ту пору 328 греко-униатских церквей, то есть приблизительно такое же число, как в Холмщине.

Восьмой, в 1831 г., когда вследствие вооруженного бунта поляков и низложения ими русской династии Царство Польское потеряло свою политическую автономию и слилось в законодательном и административном отношении с прочими областями империи.

Девятый, в 1846 г., когда Краковская республика после бунта была упразднена и вместе со смежными малопольскими областями включена в состав Галицко-Владимирского королевства (*Regnum Galiciae et Lodomeriae*).

Наконец, передел десятый, в 1863 г., когда вследствие нового бунта Царство Польское было упразднено как таковое и переименовано в Привислинские губернии, разграничение которых вслед за тем было совершенно изменено, и число их увеличено вдвое.

Замечательно, что когда у нас возникла уже в 1865 г., при Милютине и Черкасском, идея образования особой Холмской губернии, а впоследствии, в 1885 г., проект К.П. Победоносцева об отделении Холмщины и Подляшья от Привислинского края и подчинения их непосредственно министру внутренних дел, то в числе возражений против этого проекта, формулированных ген. Гурко, кн. Имеретинским, ген.-губ. Чертковым и ген. Скалоном, мы нигде не встречаем указаний на административную неделимость нынешней нашей Польши, как на ее старое право, восходящее к эпохе разделов или Венского конгресса!

Даже московские земцы, обсуждавшие на двух съездах 1905 г., совместно с панами Новодворским, Ледницким и другими польскими представителями вопрос о польской автономии, вовсе не считали нынешних границ Польши чем-то неприкосновенным. Наоборот, они признавали «возможную необходимость исправления ее границ».

Так же смотрят ныне на этот вопрос и литовско-жмудские патриоты, несколько раз уже возбуждавшие ходатайства о перечислении Сувальской губернии из Царства Польского к Литве.

Известно, что и в нашей Государственной Думе 1906 г. бесследно прозвучала политическая декларация членов польского кола, опиравшаяся в своих требованиях на постановления Венского конгресса.

са. Даже польские газеты признали тогда неуместность подобных архивных справок, особенно по отношению к международному договору, в котором поляки не участвовали и, следовательно, не являются договорной стороной.

Чем же руководился гр. Тышкевич, когда в своей статье еще раз попытался стряхнуть архивную пыль, покрывающую дипломатические акты «времен очаковских и покорения Крыма»? Ужели расчетом на невежество читателей «Речи»?

И если бы еще автор мог гарантировать, что признание Буга восточной границей Польши навсегда обезопасит нас от польских притязаний на Волынь, Белоруссию, Украину! Так нет. Из самой его статьи видно, что он очень смакует включение в царство «некоторых уездов северо-западного края с преобладающим польским населением (Белостокский, Сокольский и др.)». А между тем гр. Тышкевич не мог не знать, что снаряженная в 1906 г. в Белостокский и Бельский уезды «филологическая комиссия» вовсе не нашла там селений «с преобладающим польским населением», так как тамошние католики оказались в большинстве белорусами и малорусами; живущие же в тех уездах мазуры, принявшие сначала унию, а со времен Семашки - православие, настолько уже обрусели, что не желают менять своих русских школ на польские. Эта неудача польских стремлений раздвинуть границы царства на восток в Гродненскую губернию вызвала очень желчную статью – по поводу означенной «филологической комиссии» - польского славяноведа Парчевского (ср. «Dzwon Polski», 17 ноября 1906 г. №339), который предлагает даже решать вопросы о принадлежности того или другого селения к польской либо русской народности не по данным славянской диалектологии, а на основании личных симпатий каждого! Очень жаль, что об этом открытии польского слависта не знали деятели нашей последней переписи 1897 г. Тогда, вероятно, при должных указаниях польских руководителей переписи в наших западных губерниях вовсе не оказалось бы тех полутора миллионов белорусов и малорусов католического вероисповедания, которые значатся там ныне, по переписи 1897 г. Задача бар. Роппа, пана Ледницкого и других польских политиков из Белоруссии и Украины была бы тогда значительно легче. Опираясь на эти $1\frac{1}{2}$ миллиона якобы польского населения, они с большим правом признали бы все наши западные губернии «национальным достоянием» поляков, подкрепивших такую статистику ссылкой на границы Речи Посполитой в 1772 г. Тогда бы наши поляки не очутились в столь трудном положении и в виду новейшего папского циркуляра от 13 октября 1906 г., которым разрешается употребление у русских католиков русского языка в

проповеди и дополнительном богослужении. Им стоило бы только сослаться сверх цифр переписи еще на пресловутую теорию о «gente Ruthenus, natione Polonus», чтобы доказать, что означенный циркуляр относится собственно к Петербургу, Москве, Саратову и другим «российским» местностям, но никак не к Холму, не к Городну, не к Минску, где дополнительное богослужение издревле допускалось лишь на польском языке, что еще недавно было подтверждено папским циркуляром от 11 июля 1877 г. Теперь же каждый русский человек – православный ли он или католик – может сказать полякам: какое право имеете вы вмешиваться в отношения между папой и русским народом, навязывая себя в непрошенные опекуны русских людей в Холмщине, Белоруссии, Украине?

Да и самого гр. Тышкевича, ведущего свой род не от польских, а от западнорусских бояр, крепко стоявших за православие ещё в XVI в., мы могли бы спросить: почему именно он взял на себя роль «представителя польского общества» в качестве «ответчика» «при пересмотре исторической тяжбы», как он выражается, без особых к тому полномочий, уж не потому ли, что он принадлежит к породе людей, именуемых в Галиции «gente Ruthenus, natione Polonus»?

Во всяком случае, мы считаем себя вправе напомнить гр. Тышкевичу и другим западнорусским ренегатам, вмешивающимся ныне в наши «исторические тяжбы», то место из знаменитого сочинения Мелетия Смотрицкого «Фринонь» (1610 г.), где автор, оплакивая от лица православной церкви измену ей западнорусских вельмож, между прочим, говорит:

«Где теперь неоцененный камень, который я носила вместе с другими бриллиантами на моей голове, в венце, как солнце среди звезд, - где теперь мой дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей веры?

Где и другие, также неоцененные камни моего венца, славные роды русских князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкие, Заславские, Збаражские, Вишневецкие, Сангушки, Чарторийские, Пронские, Рожинские, Соломерецкие, Головчицкие, Коширские, Массальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и другие без числа? Где вместе с ними и другие роды, древние, именитые, сильные роды славного по всему миру силой и могуществом народа русского: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Дорогостайские, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокеи, Мышковские, Гурки, Семашки, Гулевичи, Ярмолинские, Челненские, Калиновские, Кирдеи, Заборовские, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновские, Скумины, Поцеи и другие... Вы, злые люди, обнажили меня от этой дорогой

моей ризы и теперь насмехаетесь над немощным моим телом, из которого, однако, вы все вышли. Но помните: проклят всяк, открывающий наготу своей матери! Прокляты будете и вы все, насмехающиеся над моей наготой, радующиеся ей. Настанет время, что все вы будете стыдиться своих действий».

Что же касается наших варшавских и люблинских администраторов, которые, видя Холмскую Русь, израненную разбойниками и истекающую кровью, проходят мимо, как левит притчи, или, выражаясь словами гр. Тышкевича, «не видят для кесарева дела никакого вреда в настоящем его положении», считая второстепенные вопросы о кодексе Наполеона, ипотечном кредите и «огорчении» польского общества более важными, чем самое существование этой Руси, то мы посоветовали бы этим почаше читать записку по западно-русскому вопросу Н. М. Карамзина (Мнение русского гражданина), представленную в 1819 г. императору Александру I, в частности же следующее ее место:

«Старых крепостей нет в политике; иначе мы должны были бы восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киев, и Чернигов, и Смоленск, ибо они так же долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего... Восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обограт своей кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу».

Было бы, однако, крайне грустно класть теперь, как сто лет тому назад, решение русско-польской тяжбы на острие меча. Мы верим, что старинные споры братьев, или, как гр. Тышкевич выражается «исторические тяжбы» между ними, могут быть разрешаемы и по-братски, то есть творческой силой любви, а не разрушительной – ненависти. И надо сознаться, что со стороны русского народа никогда не было к тому препятствий, так как в этой тяжбе он издавна ограничивается ролью оборонительной. Нужно только дожидаться времени, когда и в польском обществе исчезнут захватные стремления по отношению к исконным святорусским землям, как Холмщина, Белая Русь, Украина. Это же может быть достигнуто лишь перевоспитанием польского общества в духе кирилло-мефодиевских заветов. К этому, а не к «располячению поляков» направлена была и милютинская школа в Польше. Если же она не достигла цели, то это объясняется отчасти постепенным ослаблением в ней истинной кирилло-мефодиевской струи, отчасти же деморализующим подрастающие поколения поляков влиянием школы галицкой. Но не всегда же русское

общество будет космополитствовать. Возрождение в нем национального самосознания замечается уже и теперь, между прочим, в заметном подъеме его интереса к делам холмским. На поляков же отрезвляющим образом действует картина того, что происходит ныне в вел. княж. Познанском. Остальное, надеемся, будет сделано новыми течениями на Западе, особенно все яснее обрисовывающимся разложением латинской церкви, против которой восстали вслед за тевтонами и ближайшие ее дочери во Франции, Италии, Испании. Нельзя же предполагать, что из всех народов мира ввек пребудут рабами «непогрешимого» одни славяне, подвиги которых для Рима, особенно многочисленные у поляков и хорватов, ни разу еще не были награждены тиарой!.. Нынешнее «мариавитское» движение в Польше, а равно знаменательное разногласие поляков с папой по поводу его циркуляра от 13 ноября 1906 г. заставляют думать, что в случае распада папизма на отдельные национальные церкви – галликанскую, итальянскую, испанскую, немецкую и другие – найдется в их ряду место и для национальной церкви польской, о чем еще в XVI в. мечтал знаменитый польский мыслитель Андрей Фрич Модржевский.

III

В двух предыдущих статьях мы рассмотрели формулированные гр. Тышкевичем польские возражения против выделения Холмской Руси из Царства Польского. Быть может, они убедительны для поляков, но нам представляются как бы голосом из могил, в которых почивает польская государственность, подрываемая бессилием власти, самоволием панов, распушенностью шляхты, забитостью холопов, фанатизмом ксендзов и хищничеством евреев.

Но сверх поляков немало выступало и русских людей, которые также не согласны на выделение Холмской Руси – притом не в среде лишь наших бюрократов, но и в кругах общественных, не исключая холмских.

Некоторые из бюрократических возражений против выделения Холмской Руси – особенно исходящие от г. Ячевского – были отмечены и в статье гр. Тышкевича, как упомянуто уже выше. Многих других возражений граф не коснулся; но они достаточно известны, между прочим, из цитированной выше брошюры «К вопросу о выделении Холмской Руси» (СПб., 1906 г.) и из статей под тем же названием в «Окраинах России» (№ 41 и 42, 1906 г.).

Сводятся эти возражения к тому, что в бытовых условиях русского Забужья есть такие особенности, которые более сближают его с губерниями польскими, чем с западнорусскими, например григориан-

ский календарь, кодекс Наполеона, ипотечное право, особый строй землевладения, всесословная власть и т. п.; что вследствие того вряд ли удастся оторвать эту область от привислинских губерний в отношениях административном, судебном, экономическом; что, сверх того, Забужье является органическим звеном в системе нашей государственной обороны по линии Западного Буга, Нарева, Вислы; что, наконец, вековые предания и старые навыки более сближают Холмщину и Подляшье с польским западом, чем с русским востоком, вследствие чего внезапное изменение этих отношений отразилось бы неблагоприятно на материальных и нравственных интересах населения.

Но из той брошюры и статей можно убедиться, что все эти возражения, сформулированные, главным образом, чиновниками варшавской генерал-губернаторской канцелярии при генерал-губернаторах Гурко, Имеретинском, Черткове, Скалоне, давно уже и вполне основательно опровергнуты в заключениях по сему предмету генерал-губернатора гр. Шувалова, помощников генерал-губернатора Петрова и князя Оболенского и в записке К. П. Победоносцева.

Они показали, что в бытовых условиях русского населения по эту и по ту сторону Западного Буга нет, да и быть не может глубокого различия при единстве происхождения холмяков с волынцами, а подляшан с полещуками, при исконной общности основ их образования и относительной новизне навязанных нашему Забужью внешних форм западной жизни, вроде григорианского календаря, французского гражданского кодекса и тому подобных наслоений.

Если в Белостокской области замена в 1807 г. григорианского календаря юлианским не вызвала в народе никаких волнений, то тем менее имеется оснований опасаться этого в Холмщине или Подляшье, где наряду с гражданским новым календарем употребляется в жизни церковно-общественной и старый, юлианский, подобно тому, как это наблюдается доньше в Галичине, Буковине, Угроссии. Наоборот, можно утверждать, что устранение латинского календаря упростит в Забужье оборот общественной жизни, скованный доньше двойными праздниками и проистекающей отсюда путаницей в отношениях русских рабочих к польским нанимателям.

Что касается кодекса Наполеона, то сами поляки давно уже оставили его и в Кракове, и в Познани, заменив кодексами австрийским и немецким. Русскому же Забужью кодекс Наполеона, очевидно, еще более чужд, чем полякам, так как они не принадлежали к народам, усвоившим римское право, а, наоборот, издревле держались норм русского гражданского права, легшего в основу и Литовского статута. Когда завершится давно уже предпринятая у нас при уча-

стии и польских юристов работа по составлению нового гражданского уложения, то действие последнего распространится, конечно, и на наши окраины, после чего все местные кодексы, в том числе и Наполеонов, отойдут в область преданий. По крайней мере, мы видим это в Германской империи, где с изданием общего гражданского уложения немедленно вышли из употребления местные законы. В переходное же время ничто не мешает удержать в Забужье Наполеонов кодекс, сохранив, если потребуется, и связь холмских судов с Варшавской судебной палатой.

Вопрос о введении в России выработанных в Западе форм ипотеки также поставлен уже на очереди, так что Забужье может и в этом отношении сохранить свои привычные формы ипотеки и поземельного кредита, не разрывая своих связей и с Варшавским поземельным банком.

Всесословная волость, подаренная Польше Милютиным и кн. Черкасским, тоже может оставаться в Забужье, ибо и все остальные русские губернии в непродолжительном времени перейдут к этой ячейке земского самоуправления, что вызывается и новым законом об уравнивании нашего крестьянства в гражданских и политических правах с прочими сословиями.

Равным образом и в военном отношении может быть сохранена связь Забужья с Варшавским военным округом, который и ныне не вполне совпадает с границами генерал-губернаторства: так, Брест-Литовская крепость, хотя расположена в Гродненской губернии, входит, однако, в Варшавский военный округ; Сувалкская же губерния, наоборот, принадлежала в административном отношении Царству Польскому, в отношении военном составляет часть Виленского округа.

При обсуждении в наших административных комиссиях вопроса о выделении Холмской Руси был указываем в качестве его неудобств и своеобразный характер выкраиваемой из Седлецкой и Люблинской губерний русской области: она тянулась длинной и узкой полосой вдоль границ Гродненской и Волынской губерний, а затем Галиции, не имея с польской стороны ни горного, ни речного прикрытия. Но это и не требуется условиями административного распределения областей империи. Если посмотреть на очертания Сувалкской губернии в Царстве Польском или Курляндской с ее изгибами у Полангена и Иллукста, то и там можно заметить не менее своеобразные очертания областных границ. К тому же по отношению к Забужью дело значительно упростится, если Подляшье перечислить к Гродненской губернии, а Холмщину к Волынской, как это было встарь. Во всяком случае, этнография не может быть настоль-

ко подчиняема топографии, чтобы в угоду последней производить ампутацию живых членов русского народного организма, хотя бы они казались по своей конфигурации похожими на пальцы людских конечностей.

Но сверх разобранных бюрократических возражений против выделения Холмской Руси приходится встречаться и с другими, которые можно назвать национально-общественными. Некоторые из них формулированы и в напечатанной см. №5 «Окраины России» (1907 г.) корреспонденции из Холма «Русского», под заглавием: «К вопросу о выделении Холмщины из пределов Царства Польского». В предположении, что выраженный автором этой корреспонденции взгляд разделяется, быть может, и некоторыми другими русскими патриотами в Холмщине, мы считаем необходимым остановиться на его соображениях по сему предмету. Суть их заключается в следующем:

1. выделение Холмщины создаст невозможное положение для тех русских меньшинств, которые останутся по ту сторону нового рубежа, в составе Варшавского генерал-губернаторства;

2. выделение еще более обострит отношения между выделяемыми из Царства Польского русским большинством и польским меньшинством, ибо последнее может считать себя обреченной жертвой грядущей русификации;

3. невыгодно отразится выделение и на настроении поляков царства, которые будут иметь тогда право считать себя как бы лежащими за рубежом Русского государства, следовательно, официально отчужденными и отрезанными от него, и, наконец,

4. выделение представляется излишним для интересов русского населения, если у нас будет твердое национальное правительство, которое может и должно обеспечить на каждой окраине национальные и государственные права русского человека.

Нет спора, что положение тех холмяков и подляшан, которые в случае выделения Забужья остались бы в составе Царства Польского – по приблизительному расчету до 40 приходов, будет не из завидных. Но все же оно не станет хуже нынешнего положения всей Холмской Руси, которая и теперь отрезана от всей России искусственным рубежом, созданным в 1795 г. на линии Западного Буга. Для сорока означенных приходов исчезло бы лишь то сомнительное и эгоистичное утешение, которое выражается известным латинским изречением: «*Solamen miseris socios nabuisse dolorum*», что приблизительно соответствует нашему: «На миру и смерть красна!»

Конечно, в духе евангельской притчи «о заблудшей овце» епископу Евлогию следовало бы оставить 250 выделяемых приходов

и спасать сорок оставляемых за рубежом. Но есть разница между этикой и политикой. К тому же не исключена возможность, что юрисдикция холмского епископа и впредь будет распространяться на те сорок приходов, так как у нас нередки случаи, когда границы епархий не совпадают с административными делениями. Наконец, не нужно забывать, что человек не дерево, а народ не лес, навсегда прикрепленный к одному месту. В народной жизни встречаются и переселения, которые вызываются иной раз не экономическими, а нравственными причинами, всего же чаще инстинктом племенного самосохранения. Если оставшимся за рубежом 40-50 тысячам русских в Забужье станет неведомо жить под польским «самоуправлением», то они могут передвинуться несколько на восток, как это не раз уже делали русские люди. При Геродоте они жили ведь именно на Буге и Днестре, а теперь раздвинулись до Волги, Урала, Великого океана.

Не можем не вспомнить при этом оригинального проекта решения польского вопроса, предложенного некогда нашим знаменитым синологом В.П. Васильевым: для предупреждения столкновений России с немцами, полагал он, следует переселить поляков на Дон, где они будут заниматься земледелием, а казаков - на Вислу, для охраны государственной границы!..

Ожидаемого г. «Русским» обострения отношений между русскими и поляками Холмского края в случае выделения его из Царства Польского едва ли следует опасаться. Ведь и теперь, до выделения, эти отношения слишком уж натянуты - быть может, более, чем на Волыни или в Белоруссии!

Вовсе не пугает нас и перспектива повышения польских взглядов на свою автономию или даже государственность в случае выделения Холмщины.

Да едва ли и возможно полякам идти еще дальше в этом направлении, не рискуя удариться лбом об стену.

Между тем пример Галиции доказывает, что именно распространение польской власти из Кракова на Львов, т.е. из областей польских на русские, наиболее питает польский шовинизм, подогревая надежды на восстановление ягеллоновской Польши. Потому-то русские галичане, уже начиная с 1840-х гг., не перестают хлопотать об административном выделении Галиции Восточной, русской, от Западной, польской. Только подобное выделение областей русских от польских, как в Галиции, так и в нашем Забужье, а параллельно с этим перечисление населенной литвинами Сувалкской губернии в состав Виленского генерал-губернаторства могли бы подрезать крылья для польских мечтаний о восстановлении Речи Посполитой

в границах «от моря до моря» и сосредоточить польскую мысль на другой, этнографической Польше, лежащей по ту сторону Вепря и Сяна.

Лишь тогда стало бы возможно соглашение поляков с русскими и прочими славянами и относительно общей программы в борьбе с наступающим германизмом и его еврейским авангардом.

Что касается четвертого из приведенных соображений г. «Русского» - о возможности обеспечить права русских в Забужье, как и в любой другой окраине, твердой национальной политикой нашего правительства, без каких бы то ни было административных переделов в империи, то оно очень напоминает мнение по тому же вопросу, высказанное бывшим министром внутренних дел Дурново, в его представлении Совету министров (рассмотренном 4 апреля 1906 г.):

«...Этот проект (выделения Холмской Руси) мог иметь некоторые основания лишь при прежнем направлении внутренней политики государства... Одновременно с географическим выделением в то время предполагалось возможным применение чисто внешних административных мер, имеющих своей задачей уберечь население от воздействия католической пропаганды. Но с возведением манифестом 17 октября основ гражданской свободы на незыблемых началах несовместимы никакие мероприятия, имеющие характер насильственной русификации...

Все меры правительства в Холмской Руси ныне должны быть направлены к тому, чтобы путем возможно доступного образования и подъема материального положения уничтожить приниженность местного православного населения...»

Таким образом, манифест 17 октября признавался и признается нашими заправилами как бы философским камнем, который открывает возможность обращать землю в золото и уравнивать веками забитого холмского поселянина по образованию и достатку чуть ли не с гр. Замойским и банкиром Кроненбергом!

Очень красноречивой иллюстрацией к столь пышным надеждам на результаты «новой внутренней политики государства», вызванной манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 г., служат обусловленные именно этими манифестами и этой политикой проявления польского террора в Холмской Руси, приведшие там в течение одного года к отпадению от дедовской веры полутора тысяч искони русских людей! Вместо никогда не существовавшей в Забужье «насильственной русификации» возникла там «насильственная полонизация», против которой, увы, оказались совершенно бессильными начертанные в Петербурге «основы гражданской свободы». Под флагом нашей «новой внутренней политики» преисправно плодятся

теперь и в Царстве Польском, и в Литве, и в Белоруссии испытанные в Галиции орудия ополячения, вроде школ «Macierzy Polskiej», земледельческих союзов (Kolka rolnicze), съездов духовенства и дворян и тому подобных организаций. Между тем о подъеме в Польше и Западной Руси школ русских или о мерах для освобождения «приниженных» местных поселян от экономического гнета польских панов и духовного ксендзов что-то ничего не слышно. Наоборот, русская школа совершенно захирела теперь и в Польше, и в Литве, и в Прибалтике.

Насколько вообще у нас допустимо рассчитывать на твердость национальной политики правительства, это можно видеть как из опытов старого времени, например, из ее бессистемности со времен Петра Великого по вопросам польскому, западнорусскому, балтийскому, финляндскому, кавказскому, еврейскому, магометанскому и др., так и из крайней нерешительности нынешнего Совета министров по всем окраинным вопросам, не исключая и холмского.

Известно, например, что этот совет в заседании 4 апреля 1906 г. при обсуждении холмского вопроса, в частности же вышеупомянутой записки д. т. с. Дурново, сам признал, что при предстоящем введении в Царстве Польском «широкого местного самоуправления» Холмщина в ее нынешнем положении должна будет получить управление, одинаковое с прочими частями края; между тем это едва ли-де желательно ввиду различных племенных, религиозных и общих бытовых условий жизни русского населения Холмщины и соседнего польского населения. Поляки как более культурный и более обеспеченный материально элемент при самоуправлении легко-де могут захватить себе решающее влияние на течение всех местных дел и воспользоваться этим в ущерб интересам чуждого им русского населения.

Казалось бы, что отсюда вытекает для русского правительства прямой долг предупредить этот «захват» и «ущерб» немедленным выделением Холмщины еще до введения в Польше «широкого местного самоуправления». На деле Совет министров и не попытался провести это выделение, несмотря на петицию о том русских Забужья, покрытую 50 000 подписей и поддержанную большинством органов русского общественного мнения. Вместо того чтобы, не теряя времени, тушить губительный пожар, истребляющий в Холмщине исконные гнезда русской народности и образованности, совет постановил «отложить это дело впредь до выяснения дальнейших обстоятельств, касающихся окраин и, в частности, положения в русском Забужье православного населения». Если принять во внимание, что «выяснение» окраинного вопроса производится в

петербургских канцеляриях уже двести лет, без малейшего просвета в окутывающем их тумане Чухландии, что равным образом и для «выяснения» положения православного населения в Забужье было уже более чем достаточно случаев со времени включения его в империю, то станет ясно, что постановленная Советом министров отсрочка рассчитана собственно *ad calendae graecas*!

Случилось, однако, что в мае прошлого года Галицко-русское благотворительное общество представило со своей стороны адрес на высочайшее имя, в котором это общество, «присоединяясь к слезной мольбе представителей Холмской Руси о помощи Холмскому краю в его нынешнем безвыходном положении», испрашивало повеления о «безотлагательном выделении из состава Варшавского генерал-губернаторства русских уездов Люблинской и Седлецкой губернии и о присоединении этого края к юго-западным областям, как это было всегда раньше, вплоть до разделов Польши». «Этим повелением, - сказано в адресе, - была бы исправлена пагубная ошибка, допущенная русским правительством в эпоху Венского конгресса, и вместе были бы созданы условия для сохранения русского Забужья от неминуемой гибели, которая крайне ослабила бы русское дело и в Белоруссии, и на Волыни, и особенно в Подкарпатье».

Во исполнение высочайшей резолюции по содержанию этого адреса Совету министров пришлось вторично рассмотреть холмский вопрос текущей зимой, причем в его распоряжении был, сверх прежних материалов, еще доклад особой комиссии при Министерстве внутренних дел, в которой заседали в числе других люблинский и седлецкий губернаторы, правитель канцелярии варшавского генерал-губернатора и холмский епископ. Доклад комиссии клонился, по слухам, к выделению Холмской Руси из Царства Польского, хотя и в суженных размерах. Но Совет министров не решился принять на свою ответственность даже те минимальные требования с русской стороны, какие были заявлены и как будто приняты в означенной комиссии. Он постановил направить это дело в Государственную Думу, что при нынешних условиях также соответствует приблизительно отсрочке *ad calendae graecas*.

Нет, Россия не Пруссия, даже не Австрия, где все же во внутренней политике на протяжении нескольких поколений замечается некоторая – хоть династическая и культурная – преемственность. У нас это было до Петра В., но исчезло с той поры и, вероятно, еще надолго, судя по бесспорному преобладанию у нас крайнего западничества в кругах правительственных и общественных.

Неосторожно, следовательно, поступает г. «Русский» из Холма, отдавая со своей стороны предпочтение голой фразе или и мини-

стерской декларации «о твердой национальной политике» перед каким-нибудь «совершившимся фактом», вроде, например, выделения Холмщины из Царства Польского. Ужели он не предвидит, что подобная фраза, не сопровождаемая фактическими гарантиями, имела бы для будущего Холмщины, да и для всей России, столь же плачевные последствия, как те обещания, которыми сопровождалось выделение Александром I Выборгской губернии из состава прочих областей империи и включение ее в состав автономной Финляндии?

Если бы принадлежность Холмщины либо к царству, либо к Западной России была безразлична для дальнейшего хода национальной борьбы за эту часть свято-владимирского наследия, то стали бы так энергически восставать против этой меры польские политики, притом не романтики лишь, но и реалисты, усердно натравливающие теперь на своих холмских «сепаратистов» и наших публицистов левого лагеря!

«Если русские галичане, - скажем словами вышеупомянутого адреса, - в своем трехмиллионном составе и при некотором политическом развитии все-таки считают отделение русских округов Галиции от польских главным залогом спасения своей народности, то очевидно, что и Русь Холмская может сохраниться лишь при условии отделения ее от губерний польских, где эта горсть русских (300-400 000 д.) совершенно теряется в миллионных массах польского и еврейского населения».

Если Россия действительно вступает теперь на путь «новой внутренней политики», то деятелям последней непременно придется пересмотреть административное разграничение как Холмщины, так и многих других наших областей. В нынешнем их размежевании замечается слишком уж много не только случайного и искусственного, но и тенденциозного, прямо направленного против кровных интересов коренного населения империи. Так, например, почему доньше не осуществлена прочно обоснованная еще сенатором Манассеиным во всеподданнейшем отчете о ревизии Курляндской и Лифляндской губерний (1883 г.) необходимость выделения из состава Курляндии Илукстского уезда и включения его в губернию Витебскую, к которой он принадлежит и этнографически, по преобладающему составу населения, и географически, как глубокий клин, вбитый немцами в Белоруссию по течению Западной Двины? Почему доньше остается в той же Курляндии Жмудское приморье возле Полангена, когда оно издревле принадлежало жмудякам, а не латышам или немцам и отрезано от Ковенской губернии лишь для восстановления сухопутного сообщения между немцами Либавы,

Виндавы, Риги с одной стороны, а Мемеля, Королевца, Гданска – с другой? Почему все еще числятся в составе Лифляндии и Эстляндии старые русские селения, расположенные вдоль западных и северных берегов Чудского озера, когда это озеро еще при Ярославе Мудром входило в состав Руси с прилегающей территорией, вплоть до г. Юрьева? Такой же вопрос позволителен и по отношению к озеру Ладожскому, которое даже во времена новгородские входило в состав одной из пятин, а теперь отхвачено самоопределяющимися шведами и финнами!

Нет, учреждения важнее лиц - надежнее, долговечнее; потому в первых, а не в последних должны мы искать спасения и Холмской Руси от надвигающихся с Запада бед и опасностей.

Источник: *Будилович А.С.* Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). СПб.: тип. «Россия», 1907. 49 с.

Source: *Budilovich A.S.* Rus' in the Lands of Kholm and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich (reprint from "Borderlands of Russia", 1907. Nr. 2, 3, 5). St. Petersburg: Typography "Russia", 1907. 49 p.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.